

ТЕМА АГРЕССИИ И НАСИЛИЯ В НЕМЕЦКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Тема агрессии и насилия является одной из главных во всех дисциплинах, занимающихся изучением общества, и этому есть свои причины. Во-первых, агрессия и насилие являются выражением социального Зла, которое всегда интересовало представителей гуманитарных дисциплин. Во-вторых, в современном обществе с его процессами модернизации и усиливающейся релятивизацией ценностей и норм эта проблема приобретает особое звучание, поскольку непосредственно связывается с возможностью мирного сосуществования различных субкультур в социуме. В-третьих, понятия «агрессия» и «насилие» так или иначе используются для объяснения негативных форм социального действия, например, для объяснения преступности. Пожалуй, даже этих трех моментов достаточно, чтобы понять, насколько рассмотрение данной темы актуально для современной криминологии, опирающейся на разработки смежных дисциплин. Целью данной статьи является ознакомление читателей со взглядами представителей немецкой криминологии и социальной психологии по данной проблематике.

Современное понимание агрессии и насилия (подходы к определению понятий)

Понятие «агрессия» употребляется в двух значениях, которые соответствуют двум областям познания данного явления: 1) агрессия как образец объяснения необходимости наказания преступника, что удовлетворяет общественной потребности наказания; 2) агрессия как причина возникновения разных форм преступности [1, С. 5]. Собственно говоря, данные подходы не являются определениями понятия «агрессия» в прямом смысле, они скорее очерчивают области применения данного понятия, конкретизация которого каждый раз происходит в зависимости от контекста рассуждений. Возможно, это наиболее продуктивный подход, поскольку позволяет при работе в определенных дискурсах вводить в понятие дополнительные характеристики, подчеркивающие специфическое видение и понимание явления представителями разных теоретических воззрений.

Что касается понятия «насилие», то здесь дело обстоит не так просто. Существует множество мнений по поводу его определения, при этом чаще всего даются «генетические» определения, описывающие природу возникновения

Шипунова Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 193060, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд.

Тел.: (812) 110-00-77.

данного явления. Так, Б. Мендель приводит следующие мнения по поводу выбора основания для определения насилия.

Деконструкцию феномена насилия следует проводить с позиций рассмотрения социального явления «господства-подчинения», когда ясно будут обозначены субъекты, которые определяют это понятие (Hans Scheerer).

Не существует каузальной взаимосвязи между конструкциями «человечность» и «насилие», т. е. при обозначении деяний в качестве насилия субъекты такой стигматизации вряд ли исходят из понимания того, что следует считать «человечностью» (Joachim Kersten).

То, что действительно требует криминализации через уголовное право, так это такие формы насилия, как правовой экстремизм, авторитаризм, «старый» и «новый» нацизм (Susanne Karstedt).

Явление насилия требует, с одной стороны, дедраматизации (т. е. развенчания мифов об опасности), а, с другой стороны, драматизации (т. е. подчеркивания опасности некоторых видов насилия). Особое внимание при этом следует уделять формам насилия, связанным с государственной властью, так называемому оструктурному насилию и проявлениям военного насилия (Fritz Sack) [2, S. 59–61].

Все эти мнения объединяет одна мысль: мифы о насилии, подчеркивание связанных с ним страданий, крови, слез жертвы глубоко укоренены в сознании каждого человека, что чрезвычайно затрудняет дистанцирование от объекта рассмотрения, необходимое при деконструирующем анализе социальных феноменов [2, S. 61].

Антропологический дискурс криминологических исследований представляет другое понимание насилия. Этот подход базируется на теории агрессии и данных этологии. Агрессия является природным свойством человека и играет особую роль в совместной жизни людей. Согласно новым исследованиям в этологии, человек отличается от всех других животных наличием у него такой атрибутивной характеристики как *понимание*, или *рациональность*. При этом, однако, приобретение человеком этих свойств не означает отказ от насилия, которое свойственно всем животным. Один из представителей дискурса Х. Арндт пишет: «... чтобы понять, что усиливает взаимосвязь между чрезмерной человеческой раздражительностью и возрастанием агрессии, нет нужды проводить эксперименты на крысах. Для этого достаточно провести один день в slums-районе любого большого города» [3, S. 36].

Можно выделить также культурологический подход к феномену насилия. Он связан с тем, что наука и институты, имеющие возможность установления монополии на использование насилия, предлагают два варианта отношения к феномену: преуменьшение драматизма ситуации с насилием в обществе и эстетизацию насилия. Как указывает С. Квензель [4], такой подход почти исключительно сводится к «культу насилия», которое было описано американским историком культуры П. Геем. Опираясь на учение Фрейда, он интерпретировал «историю агрессии» как периодические попытки науки предоставить алиби этому человеческому инстинкту, находящему реализацию в различных видах деятельности (от спортивных игр до предвыборной борьбы) и способному удовлетворить в современной научно-технической реорганизации мира инстинкт овладения. П. Гей выделил шесть взаимосвязанных дискурсов насилия.

Дискурс «алиби»: данный дискурс опирается на дарвиновскую концепцию конкурентной борьбы за выживание и культ мужественности. Здесь под термином «насилие» скрывается сложное понятие, принципиальная неопределяемость которого проистекает из ограниченности человеческих возможностей и связанных с этим усилий по удовлетворению инстинктивных желаний. Используя этот дискурс, наука (через утверждение о необходимости выживания человеческого вида) предоставляет аргументы для оправдания насилия.

Криминологический дискурс «наказуемая агрессия»: в рамках этого дискурса ведется поиск оснований для разумного и мягкого наказания агрессивного поведения. При этом оперируют, с одной стороны, такими понятиями, как «грех преступления», «преступления больных людей», «болезненные социальные проблемы», а с другой стороны, критикуют реформы уголовно-правового исполнения наказания и ограничение применения смертной казни.

«Политический» дискурс: данный дискурс появился после Французской революции и имел своим основанием переход от демонтажа государственно-политического господства с его легитимной общественной агрессивностью, поддерживающей «фикцию состоятельности власти», к ожесточенной борьбе политических партий и расцвету всеобщего избирательного права, опирающегося на представления о «политической состоятельности низших слоев».

«Патриархальный» дискурс: эта форма основывается на специфическом — гендерном — понимании «рационального», в котором выделяется элемент чисто «женской компетентности» в «заученных конструктивных формах агрессивного поведения» сначала при управлении домашними делами, а затем в профессиональной деятельности, построенной по бюрократическим законам.

Дискурс «вербальное насилие»: здесь в качестве насилия рассматривается политическая сатира. При этом юмор является оружием, превращающим насилие в смех.

Дискурс «конструктивное насилие»: в поле внимания этого дискурса находятся такие явления, как самообладание, введение и ужесточение правил в спорте, успехи медицины и национальной экономики, которые также используют насильственные методы реализации своих достижений и т.д. Здесь наука обращается к повседневной жизни, спецификации профессиональной деятельности и поступков людей.

Если отвлечься от «прогрессивного оптимизма» П. Гейя, то в культурологическом подходе можно выделить также следующие рассуждения при определении насилия:

Насилие — это физическое, нелегальное и причиняющее вред воздействие одних людей на других. Оно преобладает в низших слоях общества. В качестве примеров здесь можно рассматривать насилие как метод воспитания, применяемый (особенно женщинами) в семье; насильственные преступления; массовые убийства (геноцид); насилие в школе и в досуговых группах; решение конфликтов с применением насилия на работе или в спорах между соседями и т.д. Зачастую такое насилие выступает в качестве элементов культуры — в нормативных установках или заученных образцах поведения, которые буквально навязываются людям средствами масс медиа, литературой, лидерами политических партий, звездами шоу-бизнеса и т.п. [4, S. 130–141].

В качестве феноменов культуры, провоцирующих возникновение насилия, рассматриваются такие явления, как дезинтеграция, плюрализм ценностей и упадок традиционализма в обществе [4, S. 133–134]. Эти явления характеризуют определенное состояние общества, при котором возрастает не только число насильственных деяний против личности (физическое насилие), но и число других видов девиантного поведения (имущественные преступления, угрозы, грабежи, квартирные взломы и т.д.). Очевидная взаимосвязь физического насилия и других видов девиантного поведения с определенным состоянием общества, а также само состояние общества отражают факт деструкции власти, которая вместе с распадающимся институтом семьи порождает соответствующие («творящие насилие») установки у социальных акторов. Анализ деструкций в обществе отсылает нас к теории повседневной активности с ее «возрастающим насилием» и «ценностями насилия», которые широко распространились в социуме в последние десять лет. Синдром установок на насилие, который сопровождает людей в повседневной жизни, может быть сформулирован следующим образом: «У меня часто возникает желание получить какие-нибудь новые и сильные впечатления». Именно эта установка движет людьми при совершении ими насильственных деяний.

Таковы некоторые подходы к определению агрессии и насилия. Эти явления вплетены в ткань социального взаимодействия людей в обществе. Возникающее «общество насилия» необходимым образом — в силу действия положительной обратной связи — продуцирует новое насилие. Чтобы понять механизм обратной связи, необходимо провести деконструкцию этих феноменов, т.е. попытаться разложить их на составные части, вычленив их предварительно из социальной интеракции.

Агрессия и насилие в социальной интеракции

Всестороннее изучение агрессии и насилия в социальной интеракции предполагает анализ двух областей или двух срезов этих феноменов: 1) проявление агрессии, предшествующей и предопределяющей последующее насильственное деяние; 2) проявление агрессии без последующего очевидного насильственного деяния, которая, однако, может создавать некий фон для разворачивания интеракции между людьми и определять характер взаимоотношений членов социума.

Если бы мы хотели проанализировать первый срез проявления этих феноменов, нам необходимо было бы обратиться в первую очередь к литературе, описывающей формирование преступности в обществе. Кроме того, нужно было бы проанализировать материалы виктимологических исследований, а также результаты изучения собственно жертв преступления. По этим вопросам написано много статей и книг, представляющих определенный интерес [5–11], но в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением агрессии лишь в ее втором понимании.

Анализ агрессивного поведения в социальном взаимодействии представлен прежде всего в теориях самоопределения и социальной идентичности [12]. В соответствии с этими теориями агрессия может выполнять различные функции, и не только негативные, например, агрессия может восстанавливать пози-

тивную идентичность индивида. Кроме того, один и тот же акт агрессии может по-разному оцениваться и интерпретироваться в зависимости от того, совершается ли он в отношении отдельного индивида или же направлен на группу. В этой связи особый интерес представляет анализ так называемого дискриминирующего поведения, которое может выражаться как в вербальной форме (оскорбления, намеки, нецензурные выражения и т.д.), так и в невербальной (жесты, взгляды и т.п.). Социальная дискриминация при этом понимается очень широко. Она подразумевает неравный подход в оценках или распределении каких-либо благ в отношении членов различных групп в размере, не определяемом только дифференциацией общества [13, S. 127].

Рассмотрим данный подход более подробно. Агрессивное действие, как и любое другое действие, должно рассматриваться как интеракция, вписанная в ситуационный и нормативный контекст. В этом случае оно «порождается» не только непосредственным актором, но и теми, на кого это действие направлено. Основой данного дискурса является определение агрессии, понимаемой не только и не столько как причинение ущерба, но, скорее, как отклонение от нормы и намерение причинить ущерб. В качестве мотивов агрессивного поведения рассматриваются: стремление к контролю и влиянию, обеспечение или восстановление справедливости, желание представить себя с положительной стороны. При этом оценка агрессивности поведения актора происходит в результате взаимодействия с реципиентом, когда последний рассматривает происходящее как недопустимое, отклоняющееся от принятых норм и подлежащее наказанию. Таким образом, агрессивное действие или поведение есть всегда результат оценивания его в качестве такового реципиентом, на которого направлено это действие. Не исключается также, что и сам актор может ретроспективно рассматривать свой поступок как «агрессивное действие», хотя в момент его совершения оно переживается им как инструментальное, логичное или, как минимум, подходящее в данной ситуации. Поскольку предыстория агрессивной интеракции допускает «игру интерпретаций», то начало конфликта возникает, когда агенты социальной интеракции понимают свои действия как вынужденную реакцию на провокацию со стороны контрагента. Здесь необходимо отметить, что сама оценка поведения как подходящего или неподобающего является важной составляющей вероятности эскалации или же прекращения конфликта.

Поскольку социальное взаимодействие реализуется не только между индивидуальными субъектами, но и между социальными группами, то проявление агрессивного поведения распространяется и на них. В качестве одного из видов такого поведения рассматривается дискриминация определенной малой социальной группы. Она возникает в результате стремления членов одной из социальных групп к «чистой» категоризации, т.е. к поиску новой позитивной социальной идентичности. Такая категоризация предполагает социальное сравнение, при котором чем больше положительных качеств по сравнению с другими социальными группами приписывает себе группа, тем сильнее ее социальная идентичность и Я-концепция. Однако укрепление позиций одной из групп ведет к неадекватности в оценках других групп и вызывает их дискриминацию. Неадекватность оценок заключается в приписывании другим (не обязательно враждебным) группам некоторых негативных черт (низкая социальная ценность, наличие негативных атрибутов и т.д.). При этом своей группе приписы-

ваются, разумеется, противоположные качества (например, при сравнении групп курильщиков и некурящих). Это явление получило название позитивно-негативной асимметрии социальной дискриминации.

Такое расширенное понимание агрессивных проявлений вызывает ряд вопросов, среди которых наиболее интересными представляются следующие: является ли осознанным дискриминирующее отношение представителей одних групп к представителям других; учитываются ли при этом индивидуальные характеристики представителей разных групп? Если приписывание большей социальной ценности своей группе не ориентировано на причинение вреда другой группе и не причиняет его, то следует ли вообще говорить об агрессивном поведении? Насколько восприятие негативных черт представителей другой группы зависит от социальной дифференциации, понимания нормы и принципа справедливости? Зависит ли оценка значимых характеристик представителей «других» от легитимности этих «других»? Является ли необходимым дискриминирующее отношение к представителям «других» при утверждении социальной идентичности «своих»? Какую роль играют нормативные и ситуативные аспекты при оценивании представителей чужой группы [13, S. 132–136]?

Другим направлением исследований агрессивности в процессе социального взаимодействия является изучение взаимосвязи между эмоциональным состоянием акторов и агрессивным поведением. Первоначально данное направление исследований опиралось на положение о том, что раздражение, возникающее у индивида в результате фрустрации, ведет к агрессии (L. Berkowitz). Однако результаты исследований не показали однозначной зависимости между этими явлениями. Эмоциональное состояние раздражения может вести к различным реакциям как деструктивного, так и конструктивного характера. При этом вопрос о том, будет ли раздражение вести к агрессивному поведению, зависит от многих факторов, например, от степени раздражения, от ситуативных характеристик, сложившихся стереотипов регуляции поведения и механизмов контроля. Позже исследователи пришли к выводу, что не только раздражение может вести к агрессии. В ее основе могут лежать и другие эмоциональные состояния (например, стыд). Значимым здесь является существование социальных конструкций поведения и поведенческих проявлений (мимики, телодвижений, жестов, вербальных выражений чувств и т. д.), вызванных определенным эмоциональным состоянием. Эти конструкции заучиваются в процессе социализации и являются ориентирами для агентов социальной интеракции. Если агент отклоняется от этой конструкции, то либо его поведение может восприниматься как агрессивное, либо его контрагент агрессивно реагирует на такое поведение [14].

Понимание протекания «агрессивной интеракции» представляется очень важным, поскольку помогает осознать не только структуру данного социального взаимодействия, но и находить основания для выработки стратегии и тактики преодоления враждебности, снятия агрессивности и в итоге — поиска компромисса в процессах урегулирования социальных и межличностных конфликтов. Наиболее значимым это является для решения проблемы молодежного насилия.

Тема молодежного насилия и агрессии

По замечанию Б. Хафенегера, молодежное насилие является той темой, к которой общество возвращается с циклической периодичностью [15], но в последнее время эта тема в Германии стала особенно актуальной, поскольку, по некоторым данным, за последние 12 лет риск стать жертвой насильственного преступления для детей младше 14 лет утроился, а для молодежи в возрасте 14-17 лет вырос в четыре раза. При этом сами преступники являются представителями тех же возрастных групп. По данным немецкого Института криминологических исследований, с 1985 г. частота соответствующих деликтов в отношении взрослых выросла только на 82% [16, S. 49].

В дебатах о молодежном насилии выделяются два противостоящих мнения: 1) насилие, понимаемое как варварство, является обратной стороной модернизации, т.е. насилие и модернизация тесно связаны между собой; 2) насилие и модернизация — это противоположные явления; цель модернизации — вытеснить варварство. При этом под модернизацией понимаются все изменения в обществе, вызванные внедрением новых технологий. Эти изменения затрагивают виды и организацию трудовой деятельности, социальные характеристики и формирование биографий людей, жизненные стили и формы совместного проживания, типы властных структур, формы подчинения и способы участия в политической жизни, восприятие действительности и процесс ее познания [17, S. 25]. Несмотря на глобальность определения понятия «модернизация» (а может быть, вследствие этого), затрагивающего, по сути дела, все стороны жизни как отдельного индивида, так и общества в целом, теоретико-методологическая база прикладных исследований при рассмотрении насилия молодежи остается достаточно традиционной и опирается в основном на теорию аномии в трактовке Р.Мертонa. При таком подходе в качестве главных причин молодежного насилия рассматриваются обострение социальных и индивидуальных проблем; усиление неравенства стартовых условий и относительная бедность как следствие возрастающей безработицы; недостаток родительского внимания, в том числе, недостаточная материальная поддержка со стороны родителей; агрессивные отношения в семье; дурной пример родителей; недостаточная социализация молодежи из низших слоев общества; выбор молодежью рискованных форм поведения [16, S. 49].

Наряду с таким подходом большой популярностью пользуется концепция дезорганизации У. Хайтмейера. В краткой форме суть данной концепции можно представить следующим образом: модернизация вызывает дезинтеграцию индивидов, которая ведет к различным проявлениям насилия. Основанием для объяснения данного положения выступает так называемая «теорема индивидуализации», в соответствии с которой условия взросления молодежи в современном индустриальном обществе в высшей степени противоречивы: с одной стороны, им предлагается невероятно большая индивидуальная свобода поведения и свобода выбора при фактическом отсутствии социального контроля, с другой стороны, когда под давлением комплексных целей молодые люди не могут опереться на стабильные (и проверенные) способы их достижения, возникает угроза и риск проявления насилия и агрессии. Процесс индивидуализации личности протекает в трех плоскостях.

В плоскости «социальная структура — культура» этот процесс означает, что «биография людей выбивается из жестко заданных рамок и становится воплощением выбора и действий каждого отдельного индивида». В социуме отсутствуют принципиально недоступные возможности выбора собственного варианта жизни. Социальная биография создается и изменяется самими индивидами таким образом, что каждый становится творцом своей жизни и «сам хлебает суп, который приготовил» [18, S. 58 f.]. Возрастание индивидуализации жизни отдельных людей сопряжено, однако, с обратным процессом — процессом деиндивидуализации, основывающимся на во многом заданной для каждого человека принадлежности к определенному социальному слою. Вместе с тем, индивид, обладающий высоким самосознанием и имеющий подходящие стартовые условия, приобретает хорошие шансы получить выгоду из индивидуализации своей жизни.

В плоскости межличностного взаимодействия складывается ситуация, когда модернизация вносит некоторый хаос в сложившиеся образцы поведения и жизни, поскольку отдельные индивиды пытаются на практике использовать новые способы достижения намеченной цели. Модернизация нарушает традиционно сложившуюся среду трудовой деятельности. Она все больше превращается из одинаковой для всех «судьбы выполнять всю жизнь одни и те же трудовые функции» (из которой произрастает равенство индивидов, принадлежащих к определенной профессиональной группе) в конкурентную среду, где выигрывает индивидуализированная личность, способная принять нестандартное решение.

В личностной плоскости индивид формирует собственную идентичность, которая является результатом постоянных, активных усилий развития самосознания и проверки надежности образцов поведения, направленных на достижение определенной цели. Если же возникают попытки поиска идентифицированного «Я» без заранее сформулированной цели, то это каждый раз порождает социальную напряженность. Трудность поиска самоидентификации в структурированном и дифференцированном обществе состоит в том, что молодежь в современном обществе, с одной стороны, имеет больше возможностей для самовыражения и выбора подходящей идентичности, а с другой стороны, она самостоятельно, без внешнего давления (что означало бы одновременно руководство извне и снятие вины за последствия неправильного решения) должна сделать этот выбор. Ценности поколения 60-70-х, выразившиеся в формуле «счастливой семейной жизни» (богатый дом, машина, хорошее образование для детей, повышение жизненных стандартов), сменились новыми ценностями — самореализация и поиск собственной идентичности. Согласно Хайтмейеру, в личностной плоскости не существует различий между людьми, принадлежащими к различным социальным слоям. Поэтому отчуждение и попытки любыми способами найти свою идентичность не ограничиваются только депривированными группами населения.

Таким образом, можно сказать, что дезинтеграция индивидов возникает в трех точках: в процессе своего решения о связях с другими индивидами; в понимании общих ценностных и нормативных установок; в процессе определения своего участия в общественных институтах. При этом дезинтеграция возникает каждый раз в том случае, если в каком-либо пункте индивид усмат-

ривает для себя проигрыш или вред. Вследствие дезинтеграции появляется чувство неуверенности, которое может проявиться в различных вариантах поведения. Это могут быть новые позитивные образцы поведения, которые, однако, требуют уверенности в своих силах и компетенции в решении трудных жизненных ситуаций. Чаще всего, однако, появляется опасность возникновения «бессмысленных» образцов поведения, основанных на насилии. В этом случае насилие предстает как один из возможных вариантов нейтрализации собственной неуверенности и подчеркивает своеобразие индивида при решении трудных жизненных проблем.

Концепция дезинтеграции приобретает особое звучание при изучении насилия молодых людей — переселенцев из других стран, в частности из развивающихся стран и стран бывшего восточного блока. Как отмечают немецкие исследователи, поведение и деятельность этих людей сопровождаются необычайно жестоким насилием, регулярными эксцессами на почве злоупотребления алкоголем, быстрым становлением преступной карьеры, связанной в основном с торговлей наркотиками, постоянными стычками между бандами, деликтами на сексуальной почве, а также откровенным противостоянием общепринятым социальным нормам [19, S. 225]. В данном случае интеграция индивидов протекает наиболее сложно, поскольку сопряжена с необходимостью адаптации к чужеродной среде, ее ценностям и нормам; плохим знанием языка и низким уровнем образования, не дающим возможности конкурировать на рынке рабочей силы; усвоением в ранний период социализации специфического стиля взаимоотношений с социальным окружением; незнанием обычаев и традиций новой страны проживания; неприятием такого поведения и стиля жизни со стороны коренного населения и т.д. Все это является серьезным препятствием на пути поиска само- и социальной идентичности, которые приводят к выбору альтернативных общепринятым моделей поведения и деятельности, чаще всего опирающихся на агрессию и насилие в отношении «враждебного» окружения. Тема агрессии и насилия является актуальной во всем мире, и тем более она актуальна для современной России. Хотелось бы надеяться, что данная статья, представляющая основные подходы к изучению этого феномена в немецкой криминологии, поможет лучше осознать сложность проблемы и окажется полезной в деле разработки отечественных исследований в данной области.

Литература

1. Kriminologie: Lexikon. Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 1991.
2. Menzel B. Bericht über die AJK-Tagung «Kritische Kriminologie und das Jahrhundert der Gewalt» vom 10.-12. Mai 1996 in Hamburg. Hamburg, 1996.
3. Reist M. Die Praxis der Freiheit: Hannah Arendts Anthropologie des Politischen. Wuerzberg: Koenigshausen u. Neumann, 1990.
4. Quensel S. Kultur und Gewalt — ein kriminologischer Diskurs?
5. Boers K. Kriminalitätseinstellung und Opfererfahrungen: Kriminologische Opferforschung: neue Perspektiven und Erkenntnisse / Hrsg. G. Kaiser, J.-M. Jehle. Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 1995.
6. Hess H. Scheerer S. Was ist Krimmalitaet? // Kriminologische Journal. 1997. H. 2.
7. Kaiser G. Der Europäische Antifolteraißschus und die Vorbeugung kriminellen Machtmissbrauches // Sonderdruck: Festschrift fuer Otto Triffterer zum 65. Geburtstag. Hrsg. K. Schmoller. Springer Wien; N. Y., 1996.

8. Kaiser G. Theoriprobeme anwendungsorientierter Kriminologie // Theoretische Perspektiven rechtssoziologischer und kriminologischer Forschung / Hrsg. A. Bora, K. Liebl Frankfurt/Main; N. Y.: Campus Verlag, 1994.
9. Kury H., Obergfell-Fuchs J. Zur Messung der Kriminalitaetbelastung // Kriminalistik. 1998. H. 10.
10. Scherr A. Sicherheitsbeduerfnisse, soziale Ausschlussung und Kriminalisierung: Ein Kommentar zur aktuellen Kontroverse innerhalb der Kritischen Kriminologie // Kriminologisches Journal. 1997. H. 4.
11. Sessar K. Zu einer Kriminologie ohne Taeter. Oder auch: Die kriminogene Tat // Monatsschrift fuer Kriminologie und Strafrechtsreform. 1997. Februar. H. 1.
12. Wensel M. Soziale Kategorisierungen in Bereich distributiver Gerechtigkeit. Muenster: Waxmann, 1997.
13. Otten S., Mummendey A. Agressive Interaktionen und soziale Diskriminierung: Zur Rolle Perspektiven- und kontextspezifischer Legitimationsprozesse // Zeitschrift fuer Sozialpsychologie. 1999. Bd. 30 (2/3).
14. Weber H. Ärger und Aggression // Zeitschrift fuer Sozialpsychologie. 1999. Bd. 30 (2/3).
15. Hafeneeger B. Jugend — Gewalt. Opladen, 1994.
16. Rudiger B. Brennpunkt Jugendkriminalitaet (Das Interview mit Prof. G. Kaiser) // Max-Planck Forschung, [Freiburg.] 1999. H. 2.
17. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1986.
18. Beck U. Jenseits von Stand und Klasse? Soziale Ungleichheiten, gesellschaftliche Individualisierungsprozesse und die Entstehung neuer Formationen und Identitaeten // Kreckel R. (hrsg.) Soziale Ungleichheiten / Hrsg. R. Kreckel. (Soziale Welt, Sonderband 2). Goettingen: Schwartz, 1983.
19. Sasse G. Integrationsprobleme junger Aussiedler // Kriminalistik. 1999. H. 4.